

Ведьма из СЫЗРАНИ

ЛЕГКИЕ ДЕНЬГИ

Иногда самая
большая нечисть
носит галстук
и выдаёт займы
под 0%.

МИКРОЗАЙМЫ
«ВАША МЕЧТА БЛИЖЕ,
ЧЕМ КАЖЕТСЯ»

- % Первый займ 0%
- 📄 Нужен только паспорт
- ⚡ Деньги за 5 минут

ДОГОВОР
ЗАЙМА

ДОЛГИ

КЛИЕНТЫ

ЗЛЫДНИ

МЕТЛЫ

ПЛАНЫ

СЫЗРАНЬ

НЕТ
ЛЁГКИХ
ДЕНЕГ

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. Легкие деньги

«Автор»

2026

Панова М.

Ведьма из Сызрани. Легкие деньги / М. Панова — «Автор», 2026

«Ваша мечта ближе, чем кажется». Такой слоган висит над входом в новую контору микрозаймов на главной улице Сызрани. Первый займ — под ноль процентов, нужен только паспорт. Через два месяца у ведьмы Василисы на кухне очередь. Пенсионер взял сорок тысяч на телефон внуку, отдал семьдесят и должен ещё сорок семь. А в его доме по ночам что-то шуршит за печкой и тихонько ест пенсию прямо с банковской карты. Злыдни — мелкая голодная нечисть, которая селится там, где нужда. И в этот раз их позвали законно: подписью под договором. Таких домов в городе уже две тысячи восемьсот. Василиса знает, как работают такие конторы, — восемь лет она писала для банка именно такие тексты. И слоган на вывеске тоже придумала она. Теперь ей предстоит пойти против бывшего коллеги, против самой древней нечисти на свете и против собственного прошлого. Девятая книга о ведьме из Сызрани.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Борщ и пенсия	5
Глава 2. Злыдни	8
Глава 3. Вторая строчка	11
Глава 4. Две тысячи шестьсот сорок	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. Легкие деньги

Глава 1. Борщ и пенсия

В феврале две тысячи тридцать первого года к Василисе пришли с борщом.

Не в банке — в кастрюле. Трёхлитровой, эмалированной, с синими цветочками и с крышкой, прихваченной резинкой от трусов, чтобы не расплескалось. Кастрюлю принесла невестка. А следом, через пять минут, — свекровь. С такой же кастрюлей. Только с красными цветочками.

Они сели на лавку по разные стороны стола. Поставили кастрюли перед Василисой. Не глядя друг на друга.

— Попробуйте, — сказала невестка. Молодая, лет двадцати восьми, в пуховике, с маникюром. — Мой.

— Попробуйте, — сказала свекровь. Шестидесят с лишним, в пальто, с перманентом. — Мой.

Василиса посмотрела на одну кастрюлю. Потом на другую.

— А в чём, собственно, вопрос? — спросила она.

— Он говорит, что её борщ лучше, — сказала свекровь. Ткнула пальцем в невестку.

— Он говорит, что её борщ лучше, — сказала невестка. Ткнула пальцем в свекровь.

— Кто — он?

— Серёжа, — сказали обе. Хором. И тут же отвернулись друг от друга.

Модест на печке открыл один глаз. Посмотрел на кастрюли. Принюхался. Открыл второй.

— Пусть едят, — сказал он. — Я подожду. Мне можно будет попробовать?

Василиса не ответила коту. Смотрела на нитки.

Нитка от невестки к Серёже — толстая, тёплая. От свекрови к Серёже — тоже толстая, тёплая, старая. А между невесткой и свекровью — тонкая, серая, перекрученная. Как бельевая верёвка, которую мокрой повесили на мороз.

И ещё — Василиса присмотрелась — от Серёжи. К обеим. Одинаковые. Тёплые. Растерянные.

Серёжа любил обеих. И обеих — боялся обидеть. Поэтому одной говорил «твой лучше», другой — «твой лучше». И думал, что так всем будет хорошо.

— Серёжа сколько раз в неделю у мамы обедает? — спросила Василиса.

Свекровь насторожилась.

— По вторникам. И по четвергам. Он на работе рядом.

— А дома?

— Каждый вечер, — сказала невестка.

— И обоим говорит, что ваш борщ лучше, — сказала Василиса.

Обе женщины одновременно открыли рот. И одновременно закрыли.

— Я не буду пробовать, — сказала Василиса. — Не мне решать. — Она отодвинула кастрюли. — А вот что сделаю. — Она встала. Взяла с полки два чистых половника. Протянула. Невестке — свекровин. Свекрови — невесткин. — Попробуйте. Друг у друга.

Женщины смотрели на половники. Потом друг на друга. Первый раз за весь разговор.

— Это ещё зачем? — сказала свекровь.

— Затем, — сказала Василиса, — что Серёжа вам обоим врёт. Не со зла. Потому что любит. — Пауза. — А вы друг друга борщом проверяете. Вместо того чтобы поговорить.

Свекровь долго смотрела на неё. Потом — медленно — сняла резинку с невесткиной кастрюли. Зачерпнула. Попробовала.

Помолчала.

— Свёклы мало, — сказала она. — И уксусу. Но — ничего. Ничего. Чесночок хороший. Невестка покраснела. Сняла резинку с свекровиной кастрюли. Попробовала.

— Пережарено, — сказала она. — Но капуста... капуста отличная. Вы как её режете?

— Тонко, — сказала свекровь. — Соломкой. Длинной. Мне ещё мама показывала.

— Покажете?

Свекровь посмотрела на невестку. Долго.

— Приходи в субботу, — сказала она. — Покажу. — Пауза. — И уксус — не столовый. Яблочный. Серёжа яблочный любит. Он тебе не говорил?

— Не говорил, — растерянно сказала невестка.

— Он вообще ничего не говорит, — вздохнула свекровь. — В отца пошёл.

Они ушли вместе. Каждая — со своей кастрюлей. Разговаривая про соломку и уксус.

Модест на печке посмотрел им вслед.

— А попробовать? — сказал он обиженно.

— В следующий раз, — сказала Василиса. И записала в Гроссбух: «Свекровь и невестка (Серёжа). Борщ. Серёжа обеим врёт. Обменяла половники. В субботу — капуста соломкой. Оплата: не взяла. Пусть сначала помиритесь».

Вторым в тот день пришёл Михеич.

Василиса его знала. Все на Верхне-Кирпичной знали. Пётр Михеевич Голубев, восемьдесят один год, бывший слесарь с НПЗ, вдовец, жил на Нижне-Кирпичной в маленьком доме с синими ставнями. Чинил соседям краны и табуретки. Кормил всех бродячих котов в округе. Каждое утро ходил в «Продукты 24» за батоном и кефиром и рассказывал Люде анекдоты пятидесятых годов.

Сейчас он стоял в дверях кухни. Сутулый. В старом пальто. С пустой сумкой-тележкой.

— Василиса Андреевна, — сказал он. — Можно? Я по делу. По странному.

— Проходите, Пётр Михеевич.

Он сел на табуретку. Положил кепку на колени. Долго молчал.

— Пенсия пропадает, — сказал он наконец.

— Как — пропадает?

— Так, — сказал Михеич. — Получаю. Двадцать три тысячи. На карточку. Пятого числа. — Пауза. — А десятого — нету.

— Куда девается?

— Не знаю, — сказал Михеич. — Вот в том и дело. — Он развёл руками. — Я не пью. Не курю уже тридцать лет. Внукам не отдаю — внук в Самаре, сам зарабатывает. В магазине — батон, кефир, кошкам корм. Квартплата — четыре тысячи. Лекарства — две. — Он посмотрел на неё. — Остаётся пятнадцать. А десятого — ноль. Я в банк ходил. Говорят — снимали. Наличными. С моей карточки. В банкомате у вокзала.

— Вы снимали?

— Нет! — Михеич стукнул кепкой по колену. — Я там в жизни не был! Я на вокзал последний раз ездил, когда Ньюру хоронил! В девятнадцатом!

— А карточка где?

— Дома. В серванте. В шкатулке. Где всегда. — Он помолчал. — И ещё. Василиса Андреевна. В доме у меня... — Он замаялся. Покраснел. Восемьдесят один год — а покраснел, как мальчишка. — В доме у меня шуршит.

— Шуршит?

— По ночам, — сказал Михеич. — За печкой. В подполе. В шкафах. Шуршит. Чавкает. — Он понизил голос. — Хлеб пропадает. Кефир. Сахар. Я батон вечером покупаю — утром

половины нету. Мыши? Я мышей сорок лет знаю. Мыши так не чавкают. — Пауза. — И коты. Мои коты, которых кормлю. Перестали в дом заходить. Сидят у крыльца. Шипят. На дом.

Модест на печке медленно сел.

Михеич посмотрел на него. Модест посмотрел на Михеича.

— Вот, — сказал старик. — Вот и ваш так же смотрит. Как мои — на мой дом.

Василиса повернула ручку настройки. Посмотрела на Михеича.

Его нитки были — старые, тёплые, добрые. К внуку. К покойной жене. К котам. К соседям. К Люде в магазине.

А поверх них — что-то. Серое. Тонкое. Липкое. Как паутина в старом сарае. Оно облепило его нитки — не все, но много. И от него тянулась ниточка. Тонкая. Тёмная. Через окно. Через улицу. Куда-то в город.

И на конце этой ниточки — Василиса не видела что, но чувствовала — что-то было голодное.

— Пётр Михеевич, — сказала она. — Вы в последнее время брали кредит?

Михеич замер.

Долго молчал. Смотрел в пол. Мял кепку.

— Брал, — сказал он наконец. Тихо. — В декабре. Внуку на Новый год. Телефон хотел подарить. Хороший. Он мечтал. — Пауза. — У меня было только восемь тысяч. А телефон — сорок. Я в окошко зашёл. На Советской. Где раньше сберкасса была. — Он помолчал. — Там девушка такая приятная. Говорит — дедушка, ничего не надо, только паспорт. Пять минут. Под ноль процентов первую неделю. Вернёте с пенсии.

— Вернули?

— Вернул, — сказал Михеич. — Пятого января. Тридцать две тысячи. Всё, что было. — Пауза. — А они говорят — мало. Говорят — проценты. Говорят — штраф. Говорят — пролонгация. Я не знаю, что это. — Он поднял на неё глаза. Старые, растерянные. — Я им с тех пор каждый месяц плачу. А долг — не меньше. Больше. Сорок семь тысяч теперь. — Голос сорвался. — Я за телефон для внука уже семьдесят тысяч отдал, Василиса Андреевна. А должен — сорок семь.

Модест на печке тихо зашипел.

— И с тех пор шуршит, — сказал Михеич. — С января. Как с первого раза заплатил — так и шуршит.

Глава 2. Злыдни

— Злыдни, — сказал Фрол Евсеич.

Был вечер. Дети спали — Гаше и Алёше было по три года, ровно, хотя день рождения в этом году опять выпал на несуществующее двадцать девятое и праздновали его в Касьяновой щели, как и в прошлый раз. Баюшка пел под кроватками. Егор был на смене.

Фрол Евсеич сидел на лавке у печки. Устя — рядом, с веретеном. Модест — на печке. Василиса — за столом, с Гроссбухом.

Михеич ушёл час назад. Василиса сходила к нему. В дом с синими ставнями. И увидела.

— Злыдни, — повторил домовой. — Я их сразу признал. По тому, как ты рассказала. Шуршат, чавкают, хлеб тащат, деньги пропадают, коты боятся. — Он покачал головой. — Злыдни. Сто лет их в Сызрани не было. С двадцать первого года.

Устя рядом с ним тихо вздрогнула.

— Кто это? — спросила Василиса.

Фрол Евсеич долго молчал.

— Нечисть, — сказал он. — Мелкая. С ладонь. Серые, тощие, лохматые. Глаза — голодные. Живут за печкой. Или в подполе. Или в пустом сундуке. — Пауза. — Где поселились — там всё уходит. Хлеб уходит. Деньги уходят. Сила уходит. Сколько ни заработай — всё сожрут. Человек работает, работает — а всё нету. Ни на что не хватает. — Он посмотрел на Василису. — Нищета, девка. Злыдни — это нищета. Живая.

— Откуда они берутся?

— Из нужды, — сказал домовой. — Из того, когда человек не может. Хочет — и не может. Нужно — а нету. — Он помолчал. — В двадцать первом году, в голод, злыдней было — тьма. В каждом доме. На Затонной — по десятку. Я сам видел. Они за печками сидели, как тараканы. Жрали последнее.

— Они сами ушли?

— Сами, — сказал Фрол Евсеич. — Когда голод кончился. Когда хлеб пошёл. Им есть стало нечего — нужды не стало. Они и ушли. — Он нахмурился. — А теперь — вернулись. Только не в голод. Не в войну. — Пауза. — Как это?

Устя подняла огромные зелёные глаза.

— Я их помню, — сказала она тихо. — Злыдней. Из двадцать первого. Они на болото приходили. Ко мне. Греться. — Пауза. — Они не злые, хозяйка. Они — голодные. Им всегда мало. Они — сама нехватка.

Василиса сидела за столом. Смотрела в Гроссбук. На запись про Михеича.

— Он взял микрозайм, — сказала она медленно. — В декабре. Сорок тысяч. Под «ноль процентов». А теперь должен больше, чем брал. Хотя уже вдвое переплатил. — Она подняла глаза. — И с первого платежа — шуршит.

Модест на печке спустился. Сел на стол. Посмотрел на неё жёлтыми глазами.

— Нужда, — сказал он. — Михеичу было нужно. Внуку подарок. Не было. Взял. — Пауза. — А они ему дали не деньги. Они ему дали нужду. Навсегда. Он теперь всегда должен. Всегда — не хватает.

— И злыдни пришли на нужду, — сказала Василиса.

— И злыдни пришли на нужду, — согласился кот.

Наутро Василиса пошла на Советскую.

Там, где раньше была сберкасса — старое здание, дореволюционное, с колоннами, с мраморными ступенями, с бронзовыми ручками на дверях, — теперь висела вывеска. Новая. Яркая. Голубая с золотом.

«МЕЧТАЗАЙМ. Деньги за 5 минут. Без справок. Без поручителей. Первый займ — 0%!»

Окна были заклеены плакатами. На плакатах — счастливые люди. Семья на море. Пенсионер с внуком и новым телефоном. Молодая пара с ключами от машины. Девушка с букетом и новой сумочкой.

Василиса стояла на тротуаре. Смотрела на плакаты.

И не могла пошевелиться.

Потому что на самом большом плакате, над входом, золотыми буквами на голубом небе, было написано:

«ВАША МЕЧТА БЛИЖЕ, ЧЕМ КАЖЕТСЯ».

Она знала этот шрифт. Она знала этот слоган. Она написала его.

Две тысячи девятнадцатый год. Москва. «Москва-Сити». Опенспейс на тридцать втором этаже. Вадим Сергеевич сказал: «Круглова, нужен слоган для новой кампании. Что-то тёплое. Чтобы люди мечтали». Василиса сидела над ним три дня. Перебрала сто вариантов. Выбрала этот. «Ваша мечта ближе, чем кажется». Вадим Сергеевич сказал: «Гениально». Её текст висел на всех билбордах Москвы год. Его повторяли на радио. Ей дали премию.

Это был слоган для вклада. Для депозитной программы. Для людей, которые копят. «Откладывайте понемногу — и мечта станет ближе».

Она тогда этим гордилась.

А теперь он висел над входом в микрозаймовую контору. Над пенсионером с внуком и новым телефоном. Купленным под «ноль процентов первую неделю».

Модест сидел у её ног. Смотрел на плакат. Потом — на неё.

— Это ты? — спросил он тихо.

— Я, — сказала Василиса.

Кот долго молчал.

— Ну, — сказал он наконец. — Ну, Васёна.

Внутри «МечтаЗайма» было светло, чисто, пахло кофе и освежителем воздуха с ароматом «морской бриз». Белые стены. Голубые кресла. Стойка с улыбающейся девушкой в голубой форменной рубашке. На стене — телевизор, на нём крутился ролик: всё те же счастливые семьи, всё тот же слоган, всё тот же голос — бархатный, тёплый: «Ваша мечта ближе, чем кажется. МечтаЗайм — мы верим в вашу мечту».

В креслах сидели люди. Пятеро. Пожилая женщина в пуховике. Молодой парень в спецовке НПЗ. Мама с коляской. Двое мужчин средних лет — один нервно стучал ногой.

Василиса повернула ручку настройки.

От каждого из пятерых тянулась серая паутинка. Тонкая. Липкая. Вверх. К потолку. И сквозь потолок — дальше. Куда-то наверх. На второй этаж.

А на втором этаже — Василиса чувствовала — было что-то большое. Голодное. Очень старое.

— Добрый день! — сказала девушка за стойкой. Сияя. — Вам займ? Первый — под ноль процентов! Только паспорт!

— Нет, — сказала Василиса. — Мне — договор. Посмотреть.

Улыбка девушки не дрогнула.

— Конечно! — Она достала из-под стойки тонкую брошюру. Голубую. «Ваша мечта ближе, чем кажется». — Вот наши условия! Всё прозрачно!

Василиса взяла брошюру. Открыла.

Восемь лет в банке. Она знала, где искать. Не на первой странице — на первой было «0%» огромными цифрами. Не на второй — на второй были счастливые семьи. На последней. Мелким шрифтом. Серым по белому. Шестой кегль.

«Полная стоимость кредита — 292,000% годовых. Процентная ставка после окончания льготного периода — 0,8% в день. В случае просрочки — неустойка 20% годовых плюс фиксированная сумма штрафа».

рованный штраф. Пролонгация договора осуществляется путём оплаты процентов за предыдущий период...»

Двести девяносто два процента годовых.

Она сама писала такие брошюры. Не эту — другие. Такие же.

Она подняла глаза на девушку за стойкой. Двадцать два года. Голубая рубашка. Улыбка. Нитки — Василиса посмотрела — чистые, молодые, растерянные. Она не знала. Ей сказали — улыбайся, предлагай. Она улыбалась.

— Кто у вас директор? — спросила Василиса.

— Денис Олегович, — сказала девушка. — Гладких. Он наверху. Но он не принимает без записи.

Денис Гладких.

Василиса закрыла глаза.

Денис Гладких. Две тысячи семнадцатый — двадцать четвёртый. Банк. «Москва-Сити». Тридцать второй этаж. Стол напротив. Тот самый, кто написал вторую строчку к её слогану. «Ваша мечта ближе, чем кажется. Возьмите её сейчас». Для кредитной программы. Вадим Сергеевич тогда сказал: «Гладких, ты гений, это продаёт лучше».

Василиса тогда возмутилась. Сказала — это нечестно, я писала для вклада. Вадим Сергеевич сказал: «Круглова, слоган — собственность банка. Ты свои деньги получила».

И она — промолчала. Получила премию. И промолчала.

— Передайте Денису Олеговичу, — сказала она, — что приходила Василиса Круглова. Он поймёт.

Глава 3. Вторая строчка

Денис позвонил в тот же вечер.

— Круглова, — сказал он. Голос был тот же. Весёлый. Лёгкий. С хрипотцой. Как будто они только вчера сидели за соседними столами. — Василиса Андреевна! Ведьма из Сызрани! Я в интернете видел. Ты знаменитость!

— Здравствуй, Денис.

— Слушай, я, как узнал, что ты здесь, — сразу хотел позвонить. Честно. Но закрутился. Открытие, офис, команда. — Пауза. — Как ты? Как семья? Дети, говорят, летают?

— Денис, — сказала Василиса. — У тебя над входом мой слоган.

В трубке помолчали.

— Наш, — поправил Денис. Мягко. — Наш, Вась. Первая строчка — твоя. Вторая — моя. «Возьмите её сейчас». Помнишь? — Он засмеялся. — Нам тогда Вадим Сергеевич обоим премию дал. По сто тысяч.

— Я писала для вклада.

— А банк продал права, — сказал Денис. — В двадцать шестом. Когда реструктуризация была. Пакетом. Все слоганы, все ролики. Мы купили. — Пауза. — Законно, Вась. Всё законно.

— Двести девяносто два процента годовых — законно?

— Законно, — сказал Денис. Спокойно. — Предельная ставка для МФО по закону — до трёхсот. Мы — в рамках. — Пауза. — Вась, ты же из банка. Ты же знаешь, как это работает.

Василиса знала.

— У меня клиент, — сказала она. — Восемьдесят один год. Взял сорок тысяч. Отдал семьдесят. Должен сорок семь.

— Пролонгации, — сказал Денис. — Он сам выбирал. Мы предлагаем — клиент соглашается. Подписывает. — Пауза. — Мы никого не заставляем, Вась.

— Он не знал, что подписывает.

— Это его ответственность, — сказал Денис. — Договор — на сайте. В открытом доступе. Мелким шрифтом, да. Но — есть. — Он помолчал. — Слушай. Давай встретимся. Пообедаем. Поговорим нормально. Я тебе кое-что предложить хочу.

— Что?

— Работу, — сказал Денис. — Креативным директором. Сызрань — пилотный город. Дальше — вся Самарская область. Потом — Поволжье. Мне нужен человек, который знает местную аудиторию. А ты её знаешь лучше всех. Ты ж у них — своя. Ведьма. — Он засмеялся. — Представляешь, какая кампания? «МечтаЗайм — по-сызрански». С твоим лицом. С котом.

Василиса молчала.

— Подумай, — сказал Денис. — Зарплата — как в Москве. Даже больше. — Пауза. — Ты ж там сейчас за огурцы работаешь, я слышал.

И отключился.

Василиса сидела на кухне. С телефоном.

Модест на печке молчал. Долго.

— Ты ему не сказала про злыдней, — сказал он наконец.

— Он не поверит.

— Не поверит, — согласился кот. — Но ты не поэтому не сказала.

Василиса посмотрела на него.

— А почему?

— Потому что тебе стыдно, — сказал Модест. Просто. — «Ваша мечта ближе, чем кажется». — Пауза. — Ты двенадцать лет думала — я написала хорошее. Для вклада. Для тех,

кто копит. А они взяли и сделали плохое. — Он помолчал. — А теперь висит над входом, и под ним злыдни людей едят. Твоими словами.

Василиса закрыла лицо руками.

— Я промолчала, — сказала она сквозь руки. — Тогда. В девятнадцатом. Когда Денис дописал вторую строчку. Я сказала Вадиму Сергеевичу — это нечестно. Он сказал — слоган собственность банка. И я — промолчала. Взяла премию. Сто тысяч. — Она подняла голову. — Я ипотеку на эти деньги хотела. Так и не взяла. Потратила на что-то. Не помню на что.

Фрол Евсеич из-за печки сказал тихо:

— Агафья тоже однажды промолчала. В семьдесят шестом. Про Ерёму. Пятьдесят лет потом в банке сидел. — Пауза. — Промолчать, девка, иногда хуже, чем соврать.

— Я знаю, — сказала Василиса.

— А раз знаешь, — сказал домовой, — то и не молчи больше.

Вечером Василиса пошла к Михеичу. Ещё раз. С Модестом. С Фролом Евсеичем — домовый впервые за двести с лишним лет вышел за порог собственного дома. В валенке. Устя надела ему валенок. Второй. Связанный из пушицы. Сказала — «в этом не страшно, в этом я тебя чую».

Фрол Евсеич шёл по Верхне-Кирпичной, держась за Василисин карман, и ворчал. Всю дорогу. Что сквозит. Что холодно. Что асфальт неправильный. Что звёзды не те.

— Фрол Евсеич, — сказала Василиса. — Вы же двести лет не выходили. Откуда вы знаете, какие звёзды правильные?

— Знаю, — сказал домовой. — Из телевизора.

Дом Михеича на Нижне-Кирпичной стоял тёмный. Синие ставни закрыты. Коты — штук восемь, разных — сидели на крыльце, на заборе, на поленнице. Смотрели на дом. И шипели. Тихо. Все.

Михеич открыл дверь. В кальсонах и телогрейке. С фонарём.

— Вы? — сказал он. — Заходите. Только тихо. Они не любят, когда громко.

Внутри было холодно. Печь — остывшая, хотя Михеич говорил, что топил утром. На столе — недоеденный батон, наполовину объединенный с одного края. Крошки по всей клеёнке. Кефир — пустая бутылка.

И — шуршание.

За печкой. В подполе. В серванте. В шкафу. Тихое. Мелкое. Как мыши. Только — не мыши.

И чавканье.

Фрол Евсеич остановился на пороге. Посмотрел. Принюхался.

— Трое, — сказал он. — За печкой — двое. В серванте, где шкатулка, — один. Самый жирный. — Пауза. — Он на пенсии сидит.

Василиса повернула ручку настройки. Подошла к серванту. Открыла дверцу.

В шкатулке — бархатной, синей, бабушкиной, наверное, — лежала банковская карточка Михеича. А на карточке — сидело.

Маленькое. С ладонь. Серое. Тощее — кожа да кости. Лохматое — свалявшейся, грязной шерстью. С огромным раздутым животом, как у голодного ребёнка на старых фотографиях. С длинными тонкими пальцами — они вцепились в карточку, как будто это была еда. С глазами — огромными, тусклыми, жёлтыми. Голодными.

Оно подняло голову. Посмотрело на Василису.

Не испугалось. Не убежало.

Оно смотрело на неё так, как смотрят на еду. Которую не дадут.

— Мало, — сказала оно. Голос — шелест. Как мятая бумажка. — Всегда — мало.

Фрол Евсеич у неё за спиной тихо, глубоко вздохнул.

— Ну, здравствуй, злыдень, — сказал он. — Сто лет не виделись.

Злыдень посмотрел на домового.

— Фролка, — сказал он. — Двадцать первый год. Затонная. Ты у мещанки Глуховой за печкой жил. Мы у вас хлеб таскали.

— Таскали, — согласился Фрол Евсеич. — Я вас кочергой гонял.

— Гонял, — согласился злыдень. — А мы всё равно таскали. — Пауза. — Нам есть хотелось. Нам всегда хочется. — Он вцепился в карточку сильнее. — Мало. Всегда мало.

— Кто тебя сюда позвал? — спросила Василиса.

Злыдень посмотрел на неё. Долго.

— Подпись, — сказал он. — Он подписал. — Длинный палец указал на Михеича, стоявшего в дверях с фонарём. — Бумагу подписал. Там написано — должен. Должен — значит, нужда. Нужда — значит, мы. — Он помолчал. — Нам Старший сказал — где бумага с подписью, туда идите. Там будет нужда. Всегда. Навсегда. Сколько ни ешь.

— Какой Старший?

Злыдень сжался. Огромные жёлтые глаза метнулись — к потолку. К окну. На улицу.

— Старший, — прошептал он. — Наверху. Где бумаги. Где «мечта». — Пауза. — Он с ним договорился. С человеком. С тем, который бумаги даёт. — Злыдень помолчал. — Человек даёт бумаги. Старший даёт нас. Мы делаем нужду. Человек — деньги. Старший — дома. Новые. Много.

— Сколько домов? — спросила Василиса. Тихо.

Злыдень посмотрел на неё. Огромными, голодными, тусклыми глазами.

— Две тысячи шестьсот сорок, — сказал он. — В Сызрани. Пока.

Глава 4. Две тысячи шестьсот сорок

Две тысячи шестьсот сорок.

Василиса сидела на кухне до утра. С Гроссбухом. С ноутбуком. С калькулятором.

Это было её прежнее — банковское. Цифры. Таблицы. Аналитика. Она умела это лучше, чем привороты.

Население Сызрани — сто шестьдесят тысяч. Домохозяйств — около шестидесяти. Две тысячи шестьсот сорок — четыре с половиной процента. Каждый двадцать второй дом.

«МечтаЗайм» открылся в декабре. Десять недель назад. Две тысячи шестьсот сорок займов за десять недель — двести шестьдесят четыре в неделю. Почти сорок в день.

Средний займ — она посмотрела на сайте, там была реклама «до 50 000 за 5 минут» — допустим, пятнадцать тысяч. Ставка — 0,8% в день после льготной недели. Двести девяносто два процента годовых. Средний срок до первой пролонгации — месяц. Переплата за месяц — три шестьсот. За три месяца — десять восемьсот. Плюс штрафы.

Две тысячи шестьсот сорок домов. Каждый месяц — по три шестьсот минимум. Девять с половиной миллионов рублей в месяц.

Из Сызрани.

Из домов, в которых за печкой сидят злыдни.

Модест лежал на столе рядом с ноутбуком. Смотрел на цифры.

— Много, — сказал он.

— Много, — согласилась Василиса. — И это — минимум. Дальше — больше. Каждую неделю — сорок новых.

— А узел?

Василиса повернула ручку настройки. Посмотрела вниз. Под печку.

Узел — огромный, тёплый, золотой, триста сорок восемь лет — бился. Ровно. Спокойно.

Почти.

По краям, там, где в узел вплетались нитки от каждого дома в городе, — Василиса видела — появились серые пятна. Маленькие. Как плесень на хлебе. Две тысячи шестьсот сорок пятен. Каждое — дом со злыднем.

Узел их чувствовал. И — Василиса видела — пытался их греть. Отдавал им тепло. Своё. Чтобы в тех домах хоть что-то оставалось.

А злыдни — ели.

— Он их кормит, — прошептала Василиса. — Узел. Он отдаёт им свою силу. А они — съедают.

— Они всегда голодные, — сказал Модест. — Им сколько ни дай.

— Сколько он продержится?

Кот долго молчал.

— Не знаю, — сказал он наконец. — При Анжелке держался. При Шаповалове. При свадебном вихре. — Пауза. — Но тогда было — одно. Камень. Шар. Вихрь. Один противник. — Он посмотрел на неё. — А тут — две тысячи шестьсот сорок. И каждую неделю — сорок новых. И каждый — по подписи. По закону. Добровольно.

Утром Василиса пошла к Пыжикову.

Эдуард Кириллович теперь жил в Самаре — читал курс в Поволжском институте управления, вёл передачу на радио. Но по выходным приезжал в Сызрань. К дочери. К внуку. Внуку было уже пять.

Василиса нашла его в субботу. В парке у кремля. На лавочке. С внуком на коленях. Внук ел мороженое. Пыжиков — смотрел, как он ест.

— Василиса Андреевна, — сказал он, увидев её. — Здравствуйте. Я рад вас видеть. Это правда.

— Эдуард Кириллович, — сказала Василиса. И села рядом. — Мне нужна ваша помощь. Профессиональная.

— Какая?

— Вы ведь знаете, как это работает? — Она положила ему на колени голубую брошюру «МечтаЗайма». — Изнутри?

Пыжиков посмотрел на брошюру. Долго. Потом снял очки. Протёр. Надел.

— Знаю, — сказал он. — Я в девятнадцатом году в администрации подписывал разрешение на размещение трёх таких контор. В центре. На Советской. За двести тысяч каждое. — Пауза. — Это правда. Я не мог по-другому сказать.

— Как они работают?

Пыжиков открыл брошюру. На последней странице. Мелкий шрифт.

— Вот, — сказал он. — Видите? «Пролонгация». — Он ткнул пальцем. — Это главное. Не проценты. Не штрафы. Пролонгация. — Пауза. — Человек берёт пятнадцать тысяч на месяц. Через месяц надо отдать восемнадцать шестьсот. У него нет восемнадцати шестисот — он же поэтому и брал. У него есть три шестьсот. Ему говорят — отдайте три шестьсот, проценты, и мы продлим ещё на месяц. Он отдаёт. Через месяц — опять. И опять. И опять. — Пыжиков посмотрел на неё. — Он платит каждый месяц. А долг — не уменьшается. Никогда. Он платит вечно. Пока не умрёт. Или пока не продаст квартиру.

— Это законно?

— Это законно, — сказал Пыжиков. — Это правда. Государство ограничило — переплата не больше полуторакратной суммы займа. Но есть способы. Перекредитование. Новый договор вместо старого. Каждый раз — новая полуторная. — Он помолчал. — Я эти способы знаю. Я сам такие схемы покрывал. За деньги.

Внук на его коленях доел мороженое. Посмотрел на деда.

— Дед, ты опять про плохое говоришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.